

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

На лекциях по историческому материализму и политэкономии социализма в советских вузах студентам излагали такой ключевой, вроде бы марксистский, принцип социальной справедливости – «распределение по труду». Это выражение грешило лукавством: оно было неполным, однако удобным для советской идеологии при господстве «планового баланса», разрабатывавшегося Госпланом СССР. Стержень такого экономического планирования составляло распределение через «трудовую занятость» – как принцип, и доминирование критерия прожиточного минимума при определении количественных параметров поощрения за труд или распределении натуральных благ. Распределение через «трудовую занятость» исключало производственную конкуренцию, так как резервной рабочей силы не могло быть по определению – безработный в трудоспособном возрасте выбывал, в полном смысле этого слова, из распределительных отношений и не мог иметь официальных источников для поддержания своей жизнедеятельности. Поэтому трудовая занятость населения была всеобщая, хотя технологией большинства предприятий были востребованы не более трети штатных работников. Зато принцип «распределения по труду» вуалировал вознаграждение за труд «из пустого в порожнее».

Идеологическое лукавство заключалось в том, что правильный перевод с немецкого этого принципа звучал так – «распределение по результатам труда». В первой формулировке пропущено всего одно слово, но в действительности – важнейшая социальная функция труда, генерируемая потребителем, т.е. та часть меновых отношений, которая труд из индивидуального превращает в социальный феномен. Труд обретает социальное содержание (признание) только тогда, когда потребитель превращает продукт труда в товар, «голосуя» за него рублем.

Из сказанного следует вывод: рассуждать, основываясь сугубо на анализе механизма, технологии производства, объема и эстетики конечного продукта, о том, реализует ли производство (труд) свою социальную функцию, все равно, что рассуждать о полезности модного и надежного плаща в пустыне Сахара. Без соотнесения с потребностью потребителя ни производство, ни индивидуальный труд не имеют социального содержания. Можно трудиться для личного потребления, но это не генерирует социальных отношений.

Этот небольшой экскурс в наукообразную схоластику советского периода призван иллюстрировать суть проблемы, заключенной в дисфункциональности российского профессионального образования. Кажется логичным обозначенную проблему дисфункциональности выразить одним предложением: мы можем в наших вузах подготовить специалистов, прекрасно управляющих космическим кораблем «Шатл», однако если мы не про-

изводим таких кораблей, то общественная значимость такого специалиста для страны нулевая, в крайнем случае, он может эмигрировать туда, где «Шатлы» производят. Но в действительности ситуация сложнее и одним предложением раскрыть ее во всей полноте не удастся.

В большинстве публикаций, посвященных образовательной политике, система профессионального образования рассматривается как интеллектуально самодостаточный социальный институт и посему проблема заключается лишь в том, чтобы, образно говоря, больше готовить космических пилотов для «Шатлов», да вот денег государство дает мало. Это идеология. Научный подход к анализу социальной функции профессионального образования требует выделения его онтогенетической составляющей как органической части социального института.

Любой онтогенетический (внутренний) источник развития есть противоречие между двумя органическими составляющими социального института. Эти составляющие для образования – интегрирующая и дифференцирующая функции. *Интегрирующая функция* образования реализуется в процессе приобщения молодого поколения к культурным ценностям, нравственным идеалам, принципам мировоззрения, тем самым, формируя социальную общность. *Дифференцирующая функция* образования реализуется в потенциальном «рассредоточении» молодого поколения по пирамидальным ячейкам социально-профессиональной структуры, тем самым, внося в социальную общность противоречия, выраженные в различии экономических интересов элементов (групп) социальной структуры. Через эту свою функцию образование, преимущественно на стадии профессионального самоопределения молодежи, реализует начальную стадию пирамидального замещения поколений в иерархии общественного разделения труда.

Проистекает это из того, что *жизненная траектория личности есть постоянное стремление к статусности*, иными словами, стремление занять в социальной структуре общества, или в экономических терминах – в общественном разделение труда, тот статус, который обеспечивает *наиболее благоприятную позицию в распределении общественных благ*. Этим объясняется потенциальное стремление основной массы молодежи посредством профессионального образования в будущем занять место в верхних стратах «социальной пирамиды». Однако в последующем, независимо от природных способностей, молодежь распределяется в тех ячейках социальной структуры, которая сформирована объективно существующим уровнем общественного разделения труда. Последний же *зависит от уровня технического и технологического развития экономики*. Это замкнутый круг, вырваться из которого не всегда удастся эволюционным путем.

В процессе воспроизводства социальной структуры общества взаимодействуют две большие группы: та часть нового поколения, которая включена в процесс профессиональной подготовки, т.е. как правило, проходит обучение в учреждениях профессионального образования (для Российской Федерации сегодня это 11,4 млн. человек)¹, и та часть экономически активного населения, которая занята в производственной и непроизводственной сферах – 65,6 млн. человек². Именно эти две группы, первая из которых призвана заместить вторую, *перманентно находятся в состоянии противоречия*, а порой и конфликта (пример – массовые студенческие волнения в Европе в 1968 году, в период интенсивного технологического перевооружения экономики). Учитывая, что общая численность выпускников российских профессиональных образовательных учреждений в 2008 году составляла в среднем 2,7 млн. человек, + 0,1 млн. человек выпускников 9-х и 11-х классов, не продолживших обучение в профессиональных образовательных учреждениях, в сумме – 2,8 млн. человек, легко посчитать, что для полного цикла ротации занятого населения России в настоящее время требуется в среднем 25 лет. Естественно, это очень сжатый период, по истечении которого ныне в трудовом отношении активное население объективно не может в полном составе уйти на пенсию, и поэтому некоторого давления со стороны молодого поколения на эту часть населения не избежать. Давление частично снимается за счет «задержки» молодежи в системе образования, например, путем введения 12-летнего обучения в средней школе, удержания в вузах на 1 год примерно 15-20% студентов за счет учреждения магистратуры, увеличения приема в аспирантуру, увеличения призыва в армию. Подобную функцию, не вытекающую из сути образовательного процесса, система образования выполняла и прежде. Примером может служить как становление общего образования от 1-2-х годичных церковно-приходских, 2-4-х годичных начальных школ, 7-милеток послевоенного периода, до 10-11 леток с конца 1950-х годов и далее, так и профессионального образования: ускоренные курсы красной профессуры в 1930-е годы, 3-х годичные учительские институты в послевоенные годы, резкое расширение «абстрактных» инженерных факультетов в вузах в конце 1960-х годов, в условиях значительного роста численности молодежи. Все эти увеличения сроков обучения имели к запросам профессиональной подготовки мало отношения. Прежде всего решались экономические задачи – снизить потенциальное давление на экономику со стороны трудоизбыточной части населения, в первую очередь – молодежи, сформировавшегося по причине послевоенного демографического всплеска. Это не специфика России, такие процессы происходили во всех экономически развитых странах мира.

¹ Индикаторы образования: 2008. Статистический сборник. М.: Минобрнауки РФ, Росстат, ГУ-ВШЭ, 2008, стр. 44, 54, 57, 63.

² Экономическая активность населения России. М.: Росстат, 2008, стр. 16.

Между какими двумя частями общества имеет место перманентное противоречие, у истоков которого профессиональное образование выполняет инструментальную роль? При поиске ответа на сформулированный вопрос следует иметь в виду, что молодежь до начала профессиональной ориентации, а старшее поколение после выхода на пенсию индифферентны в отношении к социальной структуре: первые ещё не определились в направлении своего «давления» на социальную структуру (профессиональное самоопределение), будучи аморфной массой, называемой «детьми и подростками», а вторые, лишившись ролевой функции в общественном разделении труда, образуют аморфную массу «геронтов». Только стадия подготовки молодежи в системе профессионального образования к ролевой функции в общественном разделении труда является отчасти инструментом снижения остроты социальных противоречий в сфере трудовых отношений, и преимущественно – потенциальным генератором противоречия между поколениями, возникающего как *результат усилий молодого поколения путем воспроизводства социальной структуры «вытеснить» экономически активное население из господствующих распределительных отношений.*

Таким образом, воспроизводство социальной структуры общества и, тем самым, существующих социально-классовых и социально-профессиональных противоречий есть прямая функция профессионального образования. Проблема заключается не в том, что эти противоречия воспроизводятся – это объективный процесс, а в том, чтобы они не нарушали общественный баланс (компромисс), воспринимаемый массовым сознанием как социальная справедливость. Для России сегодня это актуально потому, что профессиональное становление нынешней российской молодежи проходит в обществе с относительно устойчивой, но отнюдь не прогрессивной социальной структурой, критическим восприятием обществом своего прошлого и не вполне осознанной моделью будущего, что само по себе является предпосылкой для дисфункциональности профессионального образования, т.е. воспроизводства им не прогрессивной, а консервативной социальной структуры.

Вначале обратимся к анализу социальной структуры населения Российской Федерации, которую призвана воспроизвести, по возможности – обновить, нынешняя российская молодежь.

Наиболее общая социальная структура, определяемая по критерию источника дохода, дает представление о первичном социальном противоречии в распределительных отношениях. Эта структура следующая. Экономически активное население Российской Федерации составляют: работники сельского, лесного хозяйства и рыболовства – 7,8%, добычи, обработки, производства энергии, строительства – 29,4%, розничной и оптовой торговли, финансов, общественного питания и гостиниц, транспорта, операций с недвижимо-

стью, коммунальных услуг – 38,8%, государственного управления и обеспечения военной безопасности – 7,2%, образования и здравоохранения – 16,8%³. Эту структуру целесообразно упростить до двух составных частей: те, кто производит прибавочный продукт – 37,2% и те, кто потребляет прибавочный продукт – 62,8%. Диспропорция явно «паразитическая». Однако есть одно «виртуальное» оправдание: потребляющие прибавочный продукт «не едят чужого», ибо, исходя из низкой рентабельности сельского хозяйства и большей части промышленного производства, занятая здесь треть активного в трудовом отношении населения не в состоянии произвести столько прибавочного продукта, чтобы прокормить остальные две трети занятых в не производящих сферах, да ещё и две группы иждивенцев (детей и учащихся, пенсионеров). Большей частью они «едят» нефть, газ и сырьевые ресурсы, а все это «ничье», государственное. О доминирующей роли государства в распределительных отношениях свидетельствует и тот факт, что из 142 млн. населения Российской Федерации экономически активные составляют 52,9%, а занятые в производящем секторе – всего 18,5%. Проще говоря, прямым или косвенным источником потребления не менее чем для 80% населения РФ является госбюджет. По сути, это бытовавшая в СССР разновидность государственного натурального распределения, только сейчас она заменена денежным эквивалентом, создающим видимость равноценного товарно-денежного обмена.

Подготовка молодежи в системе профессионального образования к воспроизводству такой первичной социальной структуры равноценна формированию у неё иждивенческой психологии, неверия в свои силы и возможности, *неумения выживать в условиях трудовой конкуренции и поэтому склонности к использованию коррупционных методов выживания*. Это свидетельствует также о наличии серьезных затруднений в профессиональной ориентации молодежи. Неслучайно профессия госслужащего по критерию «прибыльная» в глазах молодых россиян приобрела сегодня такую же значимость, как уже многие годы лидирующие по этому критерию специальности экономиста и юриста.

Изменить данную ситуацию в направлении формирования у молодежи экономического сознания, признающего приоритет не иждивенчества, а равноправной трудовой конкуренции, возможно лишь на основе доминирования прогрессивной производящей составляющей экономики.

Далее рассмотрим квалификационную структуру занятого населения, которую молодежь призвана воспроизвести после окончания учреждений профессионального образования. Доля специалистов высокой квалификации (руководители, ученые, врачи и др.) со-

³ Рассчитано по источнику: Экономическая активность населения России. Статистический сборник. М.: Росстат, 2008, стр. 60.

ставляет 26,6%, средней квалификации (технические специалисты, вспомогательные специалисты интеллектуального труда, рабочие высокой квалификации) – 29%, рабочие и обслуживающий персонал низкой квалификации – 44,4%.⁴ В целом работники средней и низкой квалификации составляют 73,4%, что явно не свидетельствует о прогрессивной квалификационной структуре населения (за средне- и низкоквалифицированный труд много не платят), которая сегодня вряд ли привлекательна для молодежи.

Еще одна социальная структура формируется по признаку классовому. Учитывая характер имеющихся статистических сведений, её можно представить только в опоре на данные о квалификационном составе занятого населения. В предположении, что оставшая часть населения – члены их семей или лица, в прошлом составлявшие такую же структуру (пенсионеры), эту классовую модель правомерно экстраполировать на все население Российской Федерации: государственные и промышленные руководители (высший состав бюрократии и крупная буржуазия) – 7,4%, техническая и гуманитарная интеллигенция – 19,1%, квалифицированные рабочие – 30,3%, неквалифицированные рабочие – 16,7%, рабочие сельского хозяйства – 4,4%, служащие средней квалификации – 13,4%, работники сферы бытовых услуг – 8,7%. Учитывая общность материальных интересов, предопределенную схожестью величины дохода, приведенные показатели можно свести к следующей социально-классовой структуре олигархического государства: высшая бюрократия и буржуазия – 7,4%, интеллигенция – 19,1%, рабочие промышленного и аграрного труда – 51,4%, работники сферы бытовых услуг и служащие средней квалификации – 22,1%. Иными словами, нынешнему молодому поколению предстоит восполнить социально-классовую структуру российского общества на 73,5% в качестве промышленных, аграрных рабочих и работников сферы бытовых услуг, большей частью средней и низкой квалификации. И это при том, что среди всех выпускников учреждений профессионального образования доля выпускников вузов, например, в 2008 году составила 48,4%, т.е. доля «экономического балласта» среди выпусков, обладающих дипломами о высшем образовании – не менее 40%. Это девальвация дипломов высшего образования, вынужденная смена профессии или люмпенизация выпускников, готовившихся стать специалистами высокой квалификации. Неслучайно в течение первых 5 лет работы меняют свою квалификацию или профессию в среднем 60% молодых специалистов, окончивших вузы. Есть надежда, что эту ситуацию несколько «приземлит» всеобщее введение двухуровневого образования в вузах (бакалавриат и магистратура). Кстати, такая же холостая подготовка специалистов характерна для аспирантуры: 50% аспирантов составляют специализирующие-

⁴ Рассчитано по источнику: Экономическая активность населения России..., стр. 75-76.

ся в области гуманитарно-социальных наук, в то время как доля исследователей, специализирующихся в области гуманитарно-социальных наук – всего 5%.

По общепринятым критериям благосостояния и образа жизни приведенную социальную структуру следует интерпретировать как классовую в следующем раскладе: высший класс – 7%, средний класс – 20%, рабочий класс (т.е. пролетарии физического и интеллектуального труда, включая люмпен-пролетариат – примерно 8%) – 73%. Учет такой структуры важен потому, что именно она формирует массовое сознание и мировоззрение личности, предопределяя качество социальных институтов.

Масштабы страны и небольшое число крупных городов (2 мегаполиса и 9 городов «миллионников») предопределяют тот факт, что представители высшего и среднего классов воспринимаются населением как «абстракция» или персонифицированные субъекты, уместяющиеся на одной странице журнала «Форбс». Однако это не мешает тому, чтобы сегодня одним из основных противоречий 70% россиян считали противоречие между богатыми и бедными⁵.

Воспроизводя подобную социально-классовую структуру российского общества система профессионального образования способствует формированию однородности массового сознания молодого поколения, однако в экономическом аспекте – «люмпенизированной» однородности, а отнюдь не «умиротворенного» массового сознания среднего класса, в качестве которого пока выступает в основном интеллигенция, и то – по образу жизни, но не по материальным возможностям. Порожденные этой социальной структурой распределительные отношения, естественно, сформируют у большей части молодежи иждивенческую психологию, ориентированную на попечительскую роль государства, как это было в советский период.

Есть ещё одна социальная структура, которую по классическим канонам следовало бы рассматривать также как классовую, однако характер имеющейся статистики не позволяет этого сделать, поэтому рассмотрим её как урбанистическую⁶.

В общем составе населения Российской Федерации доля жителей сел – 27% (при оптимуме для прогрессивной социальной структуры России – 12%), поселков городского типа – 5,8%, малых городов с населением до 50 тыс. человек – 11,7%. Итого население с провинциальным образом жизни и преимущественно психологией провинциала составляет 44,5%. Население мегаполисов (со столичным образом жизни и столичной психологией) – 10,6%; небольших городов с населением от 50 до 250 тыс. жителей – 17,7%, больших

⁵ Данные исследования, проведенного в мае 2009 года Центром социального прогнозирования и маркетинга по репрезентативной для Российской Федерации пропорциональной квотной выборке. Опрошено 2200 человек в 23-х субъектах РФ.

⁶ Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2009 года. М.: Росстат, 2009, стр. 19, 60, 61, 69.

городов с населением от 250 тыс. до 1 млн. жителей – 19,8%, крупных городов с населением более 1 млн. жителей – 7,4%.

Урбанистическую структуру населения с позиции потенциала образа и стиля жизни уместно составить из 4-х элементов: жители аграрно-провинциальных поселений – 44,5%, жители провинциальных городов – 17,7%, жители крупных административно-промышленных городов – 27,2%, жители столичных городов – 10,6%. Тем самым доминирование аграрно-провинциального массового сознания характерно для 62,2%, промышленно-урбанистического – для 27,2%, индустриально-столичного – для 10,6%. Воспроизводство такой (феодальной) урбанистической структуры – а молодежи предстоит работать в этих поселениях – породит у нее тягу к административно-централизованному государству с попечительскими функциями. Следовательно, такая урбанистическая структура не является прогрессивной с позиции современного индустриального общества, предполагающего доминирование не теологического, а рационального массового сознания. Отчасти такая архаичная структура сегодня разрушается централизованно, путем «выкачивания» молодежи из сел и малых городов в опоре на единый госэкзамен (ЕГЭ), который дает им облегченный доступ для поступления в вузы и последующее трудоустройство в городах. Именно эта главная экономическая функция ЕГЭ сводит на нет все усилия ратующих за сохранение качества подготовки специалистов в вузах путем возрождения экзаменационной аттестации абитуриентов.

Модернизации социальной структуры российского общества, по крайней мере, в аспекте численного увеличения среднего класса, призвано содействовать развитие малого предпринимательства. Принято считать, что участие масс в малом бизнесе будет способствовать развитию рыночных отношений и экономического сознания населения в целом, и молодежи в частности.

Приходится констатировать, что малый бизнес в России не только развивается крайне медленно, он к тому же архаичен по своей структуре. Так, с началом законодательно разрешенной индивидуальной трудовой деятельности в 1988 году в неё включились 9% экономически активного населения СССР⁷. В настоящее время в Российской Федерации в малом бизнесе работают 12,3% экономически активного населения – это рост за 20 лет. Профессиональный состав малого бизнеса следующий: занимаются «посредничеством» (торговля розничная и оптовая, перевозка и извоз, операции с недвижимостью, ремонт) – 67,4%, фермерством – 2,8%, производством (обработкой, добычей) – 12,1%, строительством – 11,5%, интеллектуальными услугами (образованием, здравоохранением) – 1,2%⁸.

⁷ См.: Шереги Ф.Э. Социология предпринимательства: прикладные исследования. М.: ЦСП, 2002, стр. 44.

⁸ Малое предпринимательство в России. Статистический сборник. М.: Росстат, 2008, стр. 15.

Если ставить целью ориентацию профессионально становящейся молодежи на воспроизводство нынешней профильной структуры малого бизнеса, то большинству получать профессиональное образование нет надобности, для занятия «посредничеством» оно не требуется.

Доля производителей в малом бизнесе невелика и не станет больше до тех пор, пока не заработает прогрессивная промышленность, вокруг которой сгруппируется индивидуальный, семейный, кооперативный подряд производителей, как это характерно для Японии, Южной Кореи, Китая и других стран с высокой долей промышленного производства.

Сужение источника национального продукта до торговли энергетическими и сырьевыми ресурсами: резко сужает арену и спектр меновых отношений, почти до двух субъектов – государство и население; тормозит развитие социальной структуры, обедняя многообразие её элементов в качественном отношении и заменяя её аморфной псевдорыночной общностью; обедняет отношения между составляющими элементами (социальными группами), содержательно редуцируя до примитивного массовое сознание как отражение отношений элементов упрощенной социальной структуры; многие социальные группы теряют свою индивидуальность, не имея ясного ориентира в виде овеществленных групповых интересов, ища их воплощение в персонифицированном лидере: политическом, этническом, теологическом, псевдо-миссионерском и т.д. Мировоззрение значительной части населения становится теологическим, догматичным и насыщенным суевериями, в идеологическом проявлении – шовинистическим, находящим свою идентичность только во внутреннем или внешнем враге. В противостоянии мнимому врагу население замыкается в себе, довольствуясь статусом обывателя, его политическая и экономическая активность заметно падает в связи с ориентацией на патронажную роль государства (сильной власти). Обывательский образ жизни формирует в массах эгоистическое потребительство, распределительные отношения обретают облик «наивной хитрецы» (кидальчества), а в русле финансовых, особенно госбюджетных потоков – коррупции. В результате постепенно во взаимоотношениях государства и населения наступает «патовая» ситуация, распространяющаяся и на экономическую жизнь, известная в истории страны как «застой»: экономический, интеллектуальный, идеологический, этический, общегосударственный.

Если, содействуя российской молодежи в выборе жизненных ориентиров, система профессионального образования способствует воспроизводству именно такой социальной структуры, то *для государства это означает регресс, а для системы профессионального образования – дисфункцию*. Если молодежь не захочет воспроизводить подобную консервативную социальную структуру, то неизбежно обострение противоречия между поколениями, вплоть до конфликтов. Разрешение этого противоречия имеет две формы. Пассив-

ную – эмиграцию наиболее активной и талантливой молодежи в государства, где социальная структура более прогрессивная и их интеллектуальный и энергетический потенциал, вероятно, будет востребован. Активную, нежелательную форму разрешения межпоколенческого конфликта – широкое распространение асоциального поведения (молодежный наркотизм, алкоголизм, преступность), социального неповиновения, фобий и агрессивных движений вплоть до терроризма.

Сказанное подтверждает, что критерием эффективности реализации своих естественных функций не может быть сама система профессионального образования, и даже выпускаемый ею продукт – специалисты или квалифицированные рабочие. Она должна не «собою любоваться», а «смотреться в иное, экономическое зеркало». Только экономика есть тот потребитель «конечной продукции» системы профессионального образования, который либо признает ее функциональность, с пользой для себя трудоустроявая выпускников, либо констатирует дисфункциональность профессионального образования, не проявляя потребности в выпускниках.

И в связи с этим более печальное заключение. Система профессионального образования сегодня, наверное, единственный всеобъемлющий социальный институт, функционирующий по принципу феодальных отношений. Речь не только о теологической форме функционирования университетов (да и школ) с их образовательной технологией, аккумулярованной в классическую форму еще иезуитами, но о том, что основной рыночный принцип – потребитель диктует при выборе товара – для системы профессионального образования вообще не актуален (и не только в России). При выборе вещественного товара не бывает так, что покупатель, например, придя в автосалон купить Мерседес, в ответ услышит, что Мерседеса нет, но взамен он получит два Запорожца и может убраться во свояси. В системе профессионального образования, особенно высшего, именно так и получается: для студента, даже если он заплатил за обучение, известна только специализация, а что за профессию при этом он усвоит и нужны ли действительно для искомой профессии предписанные госстандартом предметы, которые его принуждают изучить – это «не его ума дело», типа «пусть забирает два допотопных Запорожца и будет рад, что в принципе выпустили с каким-то багажом». Это теологический диктат, который свидетельствует о том, что в ближайшие 20-30 лет наступит один из самых серьезных в мировой цивилизации кризисов не только профессиональной, но всей системы образования.